

ОТ РОДНОГО ЯЗЫКА К ИНОСТРАННОМУ: БИЛИНГВИЗМ ИЛИ СМЕНА ЯЗЫКА? FROM MOTHER TONGUE TO FOREIGN LANGUAGE: BILINGUALISM OR LOSS OF THE MOTHER TONGUE?

Аннотация: Билингвальное воспитание детей в эмиграции начинается с желания одного из родителей передать ребенку свой родной язык. Какова природа этого желания и так ли необходим родной язык в чужой стране? Какие чувства испытывает иностранец, не имея возможности изъяснения на своем языке, и какое влияние иностранный язык оказывает на его личность? Автор статьи отвечает на эти вопросы, пытаясь разобраться в сложных отношениях между идентичностью человека, его корнями и «другим» миром принимающей его страны.

Abstract: bilingual education of children in a foreign country start from one of the parent's wish to transmit his/her child the mother tongue. What's the nature of this wish and how does the foreigner feel without the possibility of using his/her mother tongue? How does the foreign language influence a person's identity? Is it important to keep in close touch with one's own mother tongue while living in a foreign country? In the paper the author answers these questions while trying to analyze the relationship between identity, roots and the "other" world of the foreign country.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальное воспитание, родной язык, иностранный язык, идентичность.

Keywords: bilingualism, bilingual education, lingua madre, lingua straniera, identità.

0
«Пространство иностранца – это поезд в пути,
самолет в воздухе, – сам переход, который
исключает остановку...»

Ю. Кристева

Усвоение иностранных языков – длительный и трудный процесс, в котором взаимодействуют разные элементы, некоторые когнитивного порядка, другие психоаффективного. Факторы, оказывающие влияние, здесь могут быть внешние и внутренние. Первые относятся к социально-культурной ситуации, в которой находится человек, зависят от имеющихся лингвистических средств и возможностей взаимодействия с языком. Вторые зависят от возраста человека, от мотивации, которая побуждает его изучать иностранный язык, от способностей и стиля обучения.

Большая часть людей, проживая в чужой стране и создавая в ней семью, не имеет серьезных проблем по адаптации к жизни: к местным обычаям и манере поведения. Профессиональная деятельность этих людей обычно основана на глубоком знании языка и культуры страны отличной от страны проживания. Они часто пользуются несомненным преимуществом (но не всегда его признают) быть «другими» и «интересными» и не быть судимыми по тем же критериям что и остальные. Почти никогда не считают они себя несчастными жертвами вынужденного переселения, но даже если они сами приняли решение оставить родную землю, даже если интегрировались в принимающей их стране, их ситуация всегда будет характеризоваться частицей неравенства, не имеющей зачастую практической важности. Жизнь в другой стране может быть настолько успешной, что сравнение с представляемой жизнью на родине бывает даже невыносимым.

И все же... В моменты депрессии иностранец может чувствовать себя недооцененным, непризнанным, подавленным, может быть охвачен неудержимым желанием видеть своих родных, своих старых друзей; иметь необходимость встречаться с людьми, разделяющими его культуру и язык.

Процесс усвоения второго языка приводит к эмоциональному отдалению от слов родного. Это отдаление тяжело переживается именно потому, что создает отчуждение от собственной

личности, которое может ощущаться человеком как потеря. Изучение иностранного языка взрослым влечет за собой отказ от аффективных аспектов языка, именно тех, которые вместе с другими структурируют нашу личность. Выучить иностранный язык - это не значит добавить один язык к другому: усвоение языка не сводится к простой сумме языков, это процесс, который требует переосмысления всей языковой системы и ассоциативной сети, соединяющей значения. Новое имя, новое слово - это не только приобретение умственное, но элемент, модифицирующий весь контекст наших взаимоотношений с вещами, из-за различной нагрузки на слово в одном или другом языке.

По мнению Карла Абрахама [Abraham 1975], наше отношение к объекту меняется в тот момент, когда оно получает новое имя во время усвоения второго языка, провоцируя сопротивление, которое только позже становится сопротивлением новому названию. Естественно, чем сильнее аффективное отношение к объекту, тем сильнее сопротивление. Стенгель, пытаясь разобраться в сущности трудностей, а точнее сопротивления, часто характеризующего усвоение второго языка, утверждает, что речь есть реализация внутреннего Я. Исследовать трудности в речи означает исследовать различное эмоциональное влияние, которому подвергается Я. Это влияние меняется от индивидуума к индивидууму, но имеет некоторую общую степень иррациональности. Например, очень часто встречается мнение, что родной язык является лучшим, единственным для правильного выражения сложности жизни. «Новый язык воспринимается бедным и в какой-то степени примитивным. Часто человеком овладевает чувство, что только слова родного языка в состоянии выражать правду, в то время как иностранные слова создают лживое ощущение» [Stengel 1939: 476]. Успех в освоении второго языка, продолжает Стенгель, часто блокируется на определенной стадии, которая изменяется в зависимости от субъекта: уровень познания нового языка кажется результатом компромисса между запросом реальности и эмотивным сопротивлением против нового способа самовыражения. «Фактор преданности родному языку, отчасти бессознательный, может иметь важное значение, но существуют также и другие. Практически все, начиная говорить на новом языке, могут испытывать чувство стыда. Усвоение нового языка взрослым - это анахронизм, регрессия, которую многим людям не удастся принять ... Взрослый, проходя через иностранный язык, подвержен регрессии, например в направлении первичного процесса, в котором в свое время он создал собственный язык» [Stengel 1939: 476].

Р. Гринсон [Greenson 1999: 49] рассуждая о родном языке, пишет, что первый звук «мм», произносимый ребенком у груди матери, выражает призрачную идею его единства с ней. Этот язык ребенка пока не организован, это формула, которая еще не называет и сообщает, а только лишь выражает прожитое через примитивные чувства и ощущения, но первый звук «мм» - предшественник всех будущих слов - видимо, уже реализует магическое и универсальное соединение между словом и предметом. Родной язык, «материнский язык» (*madre lingua, mother tongue, langue maternelle*), первородный язык: телесный, прежде чем быть символическим, конкретный прежде абстрактного, рождаемый звуком, перед тем как стать сложной и структурированной системой; заключает в себе силу, которая влияет на личность. Родной язык обладает речевой памятью, знанием, которое не изучается и не преподается, но которое имеет свои результаты [Orlandi 2001: 34]. Отдалиться от слов матери, ее языка, тоже самое что «выйти из отношений слияния, сплетения двух голосов, которые могут говорить только в унисон» [Tesone 1966: 879]. Отход необходимый, но который может превратиться в источник ностальгии о воображаемом потерянном рае, из которого были изгнаны. Изгнаны из родного языка, изгнаны из своего мира.

Иностранец - эмблематическая фигура отличия, его инаковость дана ему его происхождением: он покидает родную страну, родной язык, отрекается от своей идентичности, оставляет все в ущерб себе, семье, стране, становится «чужим самому себе». Посторонний, отдаленный, равнодушный, он кажется таковым только лишь из личной защиты, защиты от внешнего мира, к которому не принадлежит, к которому, возможно, не хочет принадлежать, в котором потерял координаты своей идентичности. «Безразличие - панцирь иностранца: нечувствительный, чуждый, он кажется недоступным для нападков и отталкиваний, которые в реальности воспринимает с уязвимостью медузы». Не принадлежит ни месту, ни времени, ни любви. «Корни потеряны, укоренение невозможно, память перпендикулярна, настоящее - неопределенно» [Kristeva 1990: 14]. Состояние неприспособленности выражается отсутствием слова: разделенный между двумя

языками – родным, спрятанным в глубине, и иностранным – освоенным, но неэффективным, иностранец предпочитает молчать. Молчание укрывает его от риска быть непонятым, от ошибок, которые всегда готовы засвидетельствовать его непринадлежность к этому обществу. «Не говорить на своем родном языке. Жить в звуках и логике, отдаленных от ночной памяти тела, от горько-сладкого сна детства. Носить внутри себя, подобно секретной криптие или подобно ребенку-инвалиду – любимому и бесполезному – этот язык прошлого, постепенно выцветающий, но не оставляющий вас никогда» [Kristeva 1990: 20]. Характеризуя состояние иностранца при невозможности изъяснения на родном языке, Юлия Кристева, с присущей ей глубиной, продолжает: «Ничего не говорить, нечего сказать, ничто не может быть высказано. Вначале была холодная война с теми, из другого языка, желаемого и отвергавшего, потом новый язык накрыл вас медленным приливом мертвой воды. Молчание не затаенного гнева, которое бросает слова на обочины мыслей и губ, а молчание, которое опустошает ум и наполняет его прострацией, похожей на взгляд печальных женских глаз, приютившийся в какой-нибудь несуществующей вечности» [Kristeva 1990: 21]. Трудно представить себе, что звуки и слова, которые были когда-то частью нашей жизни и которые было так естественно произносить, могут исчезнуть навсегда из нашей речи, не оставив после себя ничего другого кроме тонкой полоски дыма. Плата была бы слишком высокой и неоправданной.

Невозможно укорениться в будущем. Будущее не дает уверенности, спокойствия и самоутверждения: оно непредсказуемо. Каждому человеку необходимы корни, уходящие в прошлое, т. к. они есть подтверждение реальности, явное доказательство настоящего. Родной язык состоит из лингвистической и исторической материи, которую тклет бессознательное, отзвуки этого языка во время процесса освоения иностранного содержат в себе части идентичности, которые рассказывают о субъекте; продолжать погружаться в родной язык – значит продолжать говорить с самим собой и со своим настоящим.

Иностранный язык проникает в нас фрагментами, которые мешают, смущают наше кажущееся спокойствие. Это смущение может провоцировать реакции, которые проявляются через два противоположных чувства: страх и притяжение. Страх потерять себя, страх иного, чужого, незнакомого, страх сомнения в собственных убеждениях, привычках, страх перед другими. Этот страх может быть побежден через возвращение к собственным корням, через родной язык.

Многие исследователи данной проблемы считают, что интеграция в новое общество не облегчается, а затрудняется обучением только лишь на языке «новой родины». Язык отражает и усиливает идентичность, а билингвальное образование, поддерживая сохранение нативного языка и культуры, «способствует овладению вторым языком с когнитивной перспективой, а также помогает сохранить эмоциональную и психологическую стабильность» [Литвиненко 2000: 53].

Лучший способ продолжать погружаться в родной язык – это разговаривать на нем с собственными детьми. Знание двух языков обогащает ребенка и позволяет ему в более полной форме строить свои отношения с одним из родителей, являющимся «иностранный» половиной его семьи. Усваивая второй язык, родной для отца или матери, ребенок узнает его культуру и приобретает возможность лучше понимать его самого: его поведение, мировоззрение, менталитет, характер. Это улучшает отношения между родителями и детьми, создает между ними духовную связь. Иностранец живет всегда в двух мирах, периодические поездки на родину ему необходимы. Дети должны чувствовать свою принадлежность к одному и другому миру и иметь возможность полноценно общаться на двух языках.

Говорить с детьми только на иностранном языке, думая, что это будет им полезно, означает отказаться от богатого родного языка взамен языка, выученного не всегда в совершенстве, поэтому более простого, а иногда даже посредственного. Язык отражает отношения родителей и детей, он обладает силой, которая держит ребенка в их «поле притяжения». Безусловно, для билингвального воспитания ребенка от одного из родителей – «иностранца» (в большинстве случаев речь идет о матери) потребуется терпение и постоянство. Родной язык – это закон и этика, которые регулируют отношения с матерью, с миром. В случае, если мать подавляет в себе желание говорить на своем языке, считает ненужным учить ему собственных детей, образуется пустота, которая оставляет им тяжелое наследие и беспорядок в сфере чувств [Jankowski et al. 1998: 18]. Голос матери, лишенный своей изначальной силы, теряет энергию и становится мало

убедительным. Способность и желание говорить гаснут: та игра слов, те шутки, та перемена в голосе, когда он то мелодичный, то строгий служит средством воспитания, звучат фальшиво. В отсутствии языка, который объединяет, слово теряет свою власть, дети «не слышат» слов матери и часто действуют по собственным убеждениям. Кроме этого, сопровождающие слово жесты часто заимствованы из другой культуры: язык тела матери вступает в противоречие с вербальным языком. Эмоции, не выражаясь в словах, застревают в горле. Иностраный язык не несет той же эмоциональной нагрузки, что и родной: слово, сказанное на родном языке, намного сильнее и наполнено эмоциями [Amati Mehler et al. 1990]. То, что не высказано, либо теряется, либо вытесняется в бессознательное. Не имея возможности говорить на своем родном языке, мать не будет рассказывать истории из своей прошлой жизни. Не из-за того, что она этого не захочет, а потому что они не будут связаны с настоящим, не будут воскрешаться в памяти произносимыми словами. Обычно воспоминания к нам приходят сами по себе, в тот момент, когда звук, слово или целая фраза напоминают определенную ситуацию. Рассказы рождаются из слов, как и слова из рассказов. Каждое слово – макушка айсберга-рассказа. А чем меньше мать или отец рассказывают историй о прошлом, тем больше это прошлое для ребенка будет пустым белым листом.

Роли между поколениями меняются местами: взрослый становится «*infans*» (лат. *ребенок, малыши*, дословно «тот, который не говорит»), а дети приобретают «языковую власть»: они лучше владеют, общаются и контролируют действительность на местном языке. Родной язык матери подвергается эрозии, иностранный же выглядит «одеревенелым» - без полутонов, эмоций и оттенков. Психоаффективный контакт матери и ребенка блокируется, провоцируя нечто вроде «искусственного раскола» во внутреннем мире взрослых и детей, в дополнение, дети могут ощущать себя исключенными из чувственного мира матери.

«Это не я говорю на этом языке, а определенный язык утверждает мое «Я» отличным от других языков способом» [Derrida 2004: 33]. Это не мы владеем языком, а он нами - с самого начала, с рождения. Мы создаем наш язык, но одновременно и он создает и воспитывает нас. Однако познаем мы это только когда отдаляемся от своего языка, когда начинаем учить новый язык или живем в чужой стране. Родной язык отчасти меняется, но содержит образы и слова, которые живут в нас всегда. В старости или при болезни человек ощущает сильнее наличие этого внутреннего языка; возможно, люди, владеющие несколькими языками, ощущают более отчетливо его существование.

Иностранному языку – языку окружения, общественному, воспитательно-правовому не хватает этих необходимых качеств, принадлежащих родному. Кроме того, «что касается грамматики, мозг взрослого будет продолжать обращаться с выученным языком совсем не так, как с родным» [Wartenburger et al. 2003: 160]. Даже при отсутствии грамматических ошибок иностранный язык будет иметь более жесткую структуру, бедную синтаксическими вариантами, несравнимую по гибкости со структурами родного языка.

Необходимо подчеркнуть, что мать всегда является примером для ребенка, поэтому для становления его билингвизма, нужно, чтобы она знала оба языка. Обычно, если мать хорошо говорит на иностранном языке и в то же время разговаривает с детьми на своем родном, дети растут сбалансированными билингвами и не имеют проблем в школе. Желание передать родной язык детям и осознание того, что, кроме нее, это никто сделать не сможет, заставляют мать как можно больше общаться с детьми, и стать впоследствии их первым учителем. Дети предрасположены к восприятию языка. Изучению иностранного языка способствует естественное желание ребенка взаимодействовать с окружающей его средой. С раннего детства дети, с одной стороны, вырабатывают коммуникативные стратегии, пользуясь зрительным контактом, мимикой, жестами, с другой – мотивированное желание перенять язык взрослых для общения с ними. Ребенок 3-5 лет не только познает мир посредством чувств, но пытается уже объяснять его с помощью языка. В этом возрасте полностью созревает имплицитная память, которая поддерживает усвоение фонологии и морфологии, начинает развиваться эксплицитная память, содействующая накоплению и восстановлению изученной лексики. Между двумя и четырьмя годами в префронтальной коре лобных долей идет значительное увеличение синаптических связей. Эта фаза развития совпадает с увеличением рабочей памяти, контроля торможения, планирования и социального поведения, которые здесь пересекаются. Нейронная

плотность не снижается до семи лет и во время этого периода максимальной пластичности мозга высшие когнитивные процессы особенно подвержены влиянию опыта и научения. Качество общения родителей с детьми в раннем возрасте, поведение самих родителей и поступающий речевой инпут являются важными факторами, способствующими развитию когнитивных функций у детей. Не учить родному языку ребенка - значит не передавать ему языковое и эмоциональное богатство, а вместе с ним дополнительные интеллектуальные способности.

В то же время, хорошее знание нового языка не только способствует развитию билингвизма ребенка, но может стать для иностранца средством познания своего собственного внутреннего мира. Отношение между родным языком и иностранным создает измерение, которое позволяет узнать, кроме внешней инаковости, еще и внутреннюю, а точнее инаковость нашего «Я». «Работы Фрейда, посвященные языковым феноменам (о ляпсусах, остроумии), хотя и не являются, конечно, работами по лингвистике, предлагают достаточно актуальную лингвистику, направленную на пользователя языка или языков, которая фокусирует исследования на той области, где слово говорящего ставит на первый план логическое отклонение и игру слов в ее креативной и терапевтической функции» [Amati Mehler et al. 1990: 371 - 372]. Вся структура разговора психоаналитика, в каком-то смысле имеет дело с другим языком – языком бессознательного. Задачей З. Фрейда было попытаться понять этот язык «Оно» и перевести его на язык «Я». В связи с этим, можно сказать, что иностранный язык, как представление о другом и непонятном, существует внутри каждого из нас. Любой язык всегда другой сам по себе, другой внутри себя, точно так же как не похожа психологически, социально и культурно личность каждого человека. Иногда что-то произносимое с трудом в родном языке может быть высказано на иностранном, который в этот момент оказывается более доступным. В этом случае языковая граница не становится барьером, а скорее местом перехода, преобразования, пространством, приводящем в движение мысли и воспоминания. Тогда воображаемая разграничивающая линия больше не отделяет и не ранит, а соединяет, сшивает, насыщает. «Бывает, что одинокое углубленное путешествие по собственной памяти может совершить чудо, которое соединяет изначальное и приобретенное в одно из тех подвижных и обновляющих соединений, которое порождает великих ученых, художников и поэтов эмиграции. Ибо, когда собственное не принадлежит никому, иностранец может чувствовать свою принадлежность ко всему, ко всей традиции, и это состояние невесомости в бесконечности культур и наследий придает ему необъяснимую способность обновления» [Kristeva 1990: 33]. Это путешествие назад во времени ведет к примирению и изменению, которые позволяют заменить начальное чувство потери ощущением будущего, придать смысл чужому и интегрировать его внутри себя. Трудность и возможность преобразования своего внутреннего мира соединены с переходом с одного языка на другой, т.е. с переводом. Перевод, посредством слов, вводит в общение, заставляет задумываться о себе, приближая нас к другому, и, наоборот, заставляет приблизиться к другому, чтобы лучше понять себя. «Перевод ведет к внутренней переработке собственного языка, к пересмотру его имплицитных составляющих, делая его открытым для потенциального другого» [Jullien 2008: 248].

Изучение нового языка может помочь лучше понять себя, пересмотреть свое внутреннее направление, и, без сомнения, придать должное значение своему родному языку и миру, который он представляет.

Список литературы:

1. Литвиненко Е.Ю. Современный билингвизм как доминанта мультикультуральной социализации: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Рост. гос. ун-т. - Ростов н/Д, 2000. - 64 с.
2. Abraham K. Sul potere determinate del nome // Opere. - Vol. 1. Boringhieri. - Torino, 1975. - 411 p.
3. Amati Mehler J., Argentieri S., Canestri J. La babele dell'inconscio: Lingua madre e lingue straniere nella dimensione psicoanalitica / Raffaello Cortina Editore. - Milano, 1990. - 388 p.
4. Derrida J. Il monolinguisimo dell'altro o la protesi d'origine, a cura di Graziella Berto // Opere scelte di Jacques Derrida / Raffaello Cortina Editore. - Milano, 2004. - 97 p.

5. Greenson Ralph R. La madre lingua e la madre: Esplorazioni psicoanalitiche. – Boringhieri - Torino, 1999. - 480 p.
6. Jankowski E. All'inizio di tutto: La lingua materna / Rosenberg & Sellier, 1998. - 164 p.
7. Jullien F. De l'universel, de l'uniforme, du commun et du dialogue entre cultures. – Paris: Fayard., 2008. - trad. it: L'universale e il comune: Il dialogo tra culture. - Roma-Bari: Laterza, 2010. – 190 p.
8. Kristeva J. Stranieri a se stessi. Feltrinelli - Milano, 1990. - 180 p.
9. Orlandi E. Análise de discurso: Princípios e procedimentos. - Pontes: Campinas, 2001. - 100 p.
10. Stengel E. On learning a new language // International Journal of Psychoanalysis. – 1939. – 20. – P. 471 - 479.
11. Tesone J. E. Multi-lingualism, word-presentations, thing-presentations and psychic reality // International Journal of Psychoanalysis. – 1966. – 77. - P. 871- 881.
12. Wartenburger I., Heekeren H.R., Abutalebi J., Cappa S.F., Villringer A., Perani D. // Early Setting of Grammatical Processing in the Bilingual Brain. - Neuron. - 2003. - Vol. 37. - P. 159 - 170.